Штрихи к портрету Юрия Бондарева

Юрий БОНДАРЕВ. 1943 год. 1-й Украинский фронт.

Иван КОЗЛОВ

Дар художника

ПИСАТЕЛЕМ надо родиться.

Родиться со счастливым даром видеть и слышать мир многоцветным и многозвучным, полным постоянного движения и непокоя; таким даром своевольная природа наделяет людей избирательно. Дар этот в какой-либо форме способен проявиться в человеке с его первых памятных шагов в жизни, с первых памятных соприкосновений с тем, что человека окружает. У героя рассказа Юрия Бондарева «Степь», маленького мальчика, он проявился в остроте восприятия первой своей поездки по сказочной, полной таинств ночной степи под необъятным, усыпанным алмазными звездами небом. Восприятия поэтического.

«Среди темноты я лежал на арбе в душистом сене, таком пряном, медово-сладком, что кружилась голова и вместе кружилось над головой черное звездное небо, устрашающе далекое и огромно-близкое, какое бывает только в ночной степи, и перед моими глазами колюче мерцали, шевелились, горели, тайно-действенно перестраивались созвездия, среди них сияющим белым дымом тек, двумя потоками расходился Млечный Путь, что-то происходило, совершалось там, в темных высотных глубинах, пугающее, счастливое, непонятное...

А внизу наша арба медленно переваливалась по степной дороге, и я словно плыл между небом и землей с замирающим от восторга сердцем. Невысказанный восторг вызывало еще то, что все это разверстое надо мной черно-звездное пространство вселенной и вся чернота летней степи были туго заполнены металлическим звоном сверчков, неистовым, страстным, не прекращающимся ни на секунду, и, казалось мне, будто сверлило серебристо в ушах от царственного блеска распыляющегося Млечного Пути...»

Рассказ «Степь», вне сомнений, автобиографичен, в его герое много от самого автора, от его цепкой памяти детства. Памяти художественной.

Но писателем надо не только родиться, им надо также и стать. И в этом наиважнейшую роль играет его биография, понимаемая не как лично-узкое и отошедшее в прошлое, а как непрерывное движение и развитие личности, постоянное участие человека в жизни народа, биография социально-общественная.

Так или почти так оценивает значение биографии писателя для его творчества Юрий Бондарев. В беседе с автором этого очерка он говорил:

«Совершенно убежден, что никогда не сделает писатель даже мало-мальского открытия, если у него нет так называемого запаса биографии. Без художественных же открытий, без того, что принято называть «своим», пишущий — еще не писатель.

Конечно, есть литераторы, характер дарования которых — сфера фантастики, например. Тут, пожалуй, больше полезны знания научно-технические (правда, они необходимы во всех случаях). Но если говорить о литературе, связанной с отображением реальной жизни, то здесь без сюжетной и, так сказать, нравственно-сконцентрированной биографии ничего интересного не создашь. Творчество любого писателя своими истоками непременно уходит в глубины глубин биографии, а книга истинного художника есть не что иное, как своеобразное разматывание разных биографий — в первую голову своей и хорошо знакомых ему людей, то есть, по сути, биографий, в значительной мере ставших его собственным душевным опытом».

В последующем я еще коснусь мысли Бондарева о том, как биография писателя «сопряжена с социальными и нравственными проблемами, которые мучают его на протяжении всей жизни и ищут выход почти в каждом произведении», пока же ограничусь лишь принципиальным положением, что без биографии нет художника, добавив разве только бондаревские слова, выражающие это положение в позитивном плане: «...если писатель нагружен жизненным опытом, как пчела медом, ему есть о чем писать, и это желание писать — не словесная игра интеллектуала, а необходимость приблизить людей к собственному познанию».

В литературу Бондарев пришел, обладая не только даром художника, но и имея за плечами многотрудную биографию человека, прошедшего Великую Отечественную войну...

•

Юрий Васильевич Бондарев родился 15 марта 1924 года в городе Орске на Урале в семье служащего. Со временем семья переехала в Москву. Мальчик учился в школе, и ничего сколько-нибудь значительного в его жизни в этот период не произошло. «...Я просто учился в школе, любил книги, футбол, коньки и голубей — как все мои сверстники в Замоскворечье», — вспоминал впоследствии Бондарев в своей книге «Поиск истины». Окончание школы пришлось как раз на тот год и месяц, когда гитлеровцы начали против нас войну. День 22 июня круто изменил судьбу юноши. Намерение продолжать образование пришлось отложить на неопределенное время. Вместе с ребятами своего класса Бондарев едет под Смоленск на строительство оборонительных сооружений. Там попадает в окружение, выходит из него и возвращается в Москву. Через несколько месяцев добровольцем едет в действующую армию.

Начались военные дни и ночи. По многотрудным огненным дорогам недавний школьник, а теперь солдат, сержант, офицер-артиллерист прошагал от Сталинграда до границ Чехословакии. Его орудие сопровождало пехоту огнем и колесами, часто занимало позицию в ее боевых порядках, расстреливая прямой наводкой вражеские танки и автоматчиков. Бои под Сталинградом, на Днепре, на многих других рубежах украинской земли, в Карпатах, в Польше... Был дважды ранен, последний раз — за несколько месяцев до окончания войны.

Война стала для Бондарева суровой школой жизни, формирования личности — с нее, по сути, и начинается его настоящая биография. Спустя несколько лет он скажет, чем была война для людей его поколения, а значит, и для него, какой осталась в памяти — надолго, навсегда:

«Почти всем им исполнилось шестнадцать — восемнадцать, когда началась война, это был возраст обостренного и жадного восприятия окружающего мира, пора, что ли, любви, а не ненависти, начала жизни и неверия в возможность смерти — пора юности или неоконченного детства, оставшегося где-то за школьным столом. Но мальчики эти, не имея опыта жизненного, за четыре года накопили до предела, до перенасыщенности опыт душевный.

Сотни людских судеб, горечь каждодневных потерь, радость побед, встреч и разлук, сотни боев, танковых атак, форсирований рек, плацдармов, высоток, которые нужно взять; отступление, окружения, наступления, холмики одиночных могил под осенним дождиком и намокшие дощечки, на которых жизнь человека подтверждена одной датой его гибели, написанной огрызком химического карандаша, товарищество и доверие друг к другу, соленый пот, мозоли на руках, кровь, луковый запах тола, перепаханной снарядами сырой земли, каменный на морозе сухарь, ледяные сто граммов после боя, боязнь громких слов и тщательно скрытая нежность, мама в тылу, теплый свет окон сквозь падающий снег, белая скатерть, книги в шкафу отца, она в ситцевом платьице и ее велосипед, прислоненный к забору, над которым нависают влажные ветви цветущей акации, голубой вечерний каток в парке культуры, исполосованный острыми лезвиями коньков; что-то недоделанное, недосказанное, непрожитое там, в тылу, и опять атака, разрывы бризантных снарядов над головой, рев танковых моторов, удушливый запах синтетического бензина...»

В другой раз, возвращаясь к мысли о том, как война повлияла на формирование его личности, Бондарев скажет, что **«ушел на фронт комсомольцем, а вернулся с войны коммунистом, повзрослевшим на много лет»**.

Биография, обретенная в боях за дело святое и правое (жизненный и нравственный опыт, нагруженность памяти впечатлениями), не только стала надежной основой творчества, но и сыграла решающую роль во всей писательской судьбе Бондарева. Можно полагать, что природная одаренность, талант проявились бы в нем, если войны и не было бы, но таким писателем, каким Бондарев предстал в повестях «Батальоны просят огня», «Последние залпы» и **во всех** последующих произведениях, его сделала война. Полагаю, что она ускорила сам процесс формирования в недавнем лейтенанте художника. «Там, где я воевал, — заявит он позднее, — возникла моя писательская биография».

Бондарев вернулся с войны с намерением получить высшее образование и поступил на подготовительное отделение Московского авиационно-технологического института. Примерно в это время возникает желание записывать, излагать на бумаге то, что рисовало воображение, и он стал писать рассказы. Может быть, это и было началом писателя? Впрочем, «первые побуждения к писательству» у него возникли значительно раньше — «еще в школьные годы». Правда, возникли как наивное влечение людей определенного — школьного — возраста к стихотворчеству, не более.

О настоящем писательстве Бондарев не помышлял еще и на войне, хотя, возможно, и по особой причине. Много позднее он объяснит это: «Во время войны я не думал ни о писательстве, ни о литературе вообще. Лишь изредка, когда в освобожденных городах мне попадались растрепанные, порой обгоревшие, засыпанные пылью среди развалин домов книги, я вспоминал, что в жизни существует не только война. В те мгновения возникало ощущение чего-то полузабытого, прекрасного, доброго, так необходимого мне и моим товарищам по оружию. Да, это были краткие минуты прикосновения к прекрасному. Но я, как и большинство моих героев, был солдатом, и в те годы беды и мужества мы искали добро не в книгах, а в отражении танковых атак». Но в чем бы ни заключалась здесь причина, неоспоримо то, что настоящей — непреодолимой — потребности писать у Бондарева на фронте не было.

Потребность писать, первый импульс писательства появился у Бондарева позднее. Находясь до этого в госпитале, он познакомился с одним фронтовиком; парень из Курска был лишен обеих ног, но не жаловался на судьбу, оптимизм, жизнерадостность жили в нем, он вспоминал всевозможные события, и одно из них потом стало для Бондарева основой рассказа. Там же был написан и другой рассказ, пожалуй, даже повесть, и тоже со слов раненого фронтовика; история на этот раз была грустная — возвращение с войны солдата, которому изменила любимая девушка, не дождалась...

Эти первые опыты пера Бондарев по возвращении в Москву отнес в Литературный институт имени А. М. Горького как заявочный материал и был зачислен студентом. Студенческие годы (1946—1951) он всегда будет вспоминать с большой теплотой: прекрасная пора жизни. Жизни, которой на войне посчастливилось избежать смерти, подобно тем троим из «восемнадцати ребят», что уцелели в жестоком бою «у незнакомого поселка на безымянной высоте»...

Учителями Бондарева в семинаре были Константин Паустовский и Федор Гладков — к ним начинающий прозаик относился подлинно с благоговением. И понятно — «Цемент» Гладкова учил в школе: советская классика; «Кара-Бугазом», «Колхидой» и «Черным морем» Паустовского зачитывался. В Паустовском, в его книгах Бондарев находил то, что было так созвучно складу собственной души, представлению о писателе и его труде. Эмоциональная, широкого диапазона волна, на которой работал этот выдающийся мастер, была волной и молодого формирующегося художника, а что может быть плодотворнее учебы, когда пишешь не как твой учитель, не в подражание ему, а потому что — ощущаешь это всем своим существом — можешь писать **только** так. Что истинно твое — в этом!

Первый рассказ Бондарева «В пути» был напечатан в 1949 году в журнале «Смена». Двое молодых людей — он и она — по окончании института едут на работу. В пути возникает любовь... Ни в один из своих сборников рассказ этот автор не включал — не считал его отвечающим требованиям художественной кондиции. За этим первым последовали другие — «Радуга», «Однажды ночью», «На большой реке», «Поздним вечером», «Побег», «Инженеры», «Далекий рейс», составившие затем книгу «На большой реке», первую его книгу, — она вышла в 1953 году. В литературе появилось новое имя — что оно обещало?

•

В самом деле — что? Критика отметила книгу «На большой реке», однако без сколько-нибудь основательного прогнозирования относительно перспективности ее автора, больше подвергла книгу рецензированию, нежели критическому осмыслению. Может быть, причиной было отсутствие в сборнике того громкозвучного героизма, к которому читателя приучили произведения о минувшей войне, а может, и просто проявился недогляд критики, от которого она, к сожалению, не застрахована и по поводу чего отнюдь не стоит делать суматошных выкриков: «Ах, критика проглядела!», «Ах, критика не заметила!»... Но вследствие каких бы обстоятельств это ни произошло, надлежащий разговор о первой книге Бондарева в критике не состоялся. Между тем в сборнике ощутимо, пусть не в такую силу, в какую это прозвучит впоследствии, заявлял себя писатель со многими особенностями своей индивидуальной манеры: доброе отношение к человеку, внимание к его внутреннему миру, умение создавать «неповторимую атмосферу, настроение, тот вещественный и порой невещественный мир, окружающий героя, ту пленительную обстановку, без которой герой бестелесен и тускл». Иными словами, заявлял себя в изначальном виде автор будущих блистательных повестей и романов.

Рассказы посвящены мирной жизни. Но не парадоксально ли: автор прошел войну, она насквозь прожгла его душу, события тех грозных дней и ночей переполняют его до краев, словно бы сами просятся на бумагу, а он пишет о мирном труде советских людей? Нет, не парадоксально, а если и — да, то парадокс тут чисто внешний, внутреннюю же суть этого следует объяснить весьма основательными причинами. Их две: одна — объективная, лежащая вовне автора, другая — субъективная, сокрытая в нем самом.

Что подразумевается под объективной причиной? Задачи, что встали перед литературой после победы СССР над гитлеровской Германией. Наша литература всегда была тесно связана с народной жизнью, с помыслами и устремлениями народа, и если в годы войны главным в них было — все на разгром врага, то с наступлением мира главным стало — все на мирное строительство. Восстановление разрушенных гитлеровцами городов, заводов, сел, высокопроизводительная работа действующих предприятий, налаживание колхозов, созидательный труд по всей советской земле — от края до края и от моря до моря — вот что являлось теперь полем общенародной битвы. В книге «Возрождение» Л. И. Брежнева, работавшего тогда первым секретарем Запорожского обкома партии, точно воссоздана атмосфера той поры. Рассказывая о трудовом энтузиазме людей, восстанавливающих завод «Запорожсталь», Леонид Ильич отмечает, что «вся обстановка напоминала в тот год боевую — стройки были полями сражений». Поля мирных сражений стали для литературы ее передним краем. Стремясь идти в ногу с временем, она мобилизовывала силы художников слова на создание произведений о подвиге человека труда, которым часто оказывался солдат, только что снявший погоны.

Когда Бондарев публиковал свои первые рассказы, уже были созданы романы «Счастье» П. Павленко, «Сталь и шлак» В. Попова, «У нас уже утро» А. Чаковского, «От всего сердца» Е. Мальцева, «Земля Кузнецкая» А. Волошина, повести «Ясный берег» В. Пановой, «Заря» Ю. Лаптева... Редакции «толстых» журналов обещали читателям в ближайшее время напечатать — и напечатали! — «Жатву» Г. Николаевой, «Плавучую станицу» В. Закруткина, «Живую воду» А. Кожевникова, «Водителей» А. Рыбакова и другие романы и повести, раскрывающие напряжение трудовых будней советского народа. Основательно осваивалась тема труда в очерке, а такие очерковые книги, как, например, «В Донбассе» и «В одном населенном пункте» Б. Галина, были отмечены Государственной премией СССР.

Причина субъективная у Бондарева коренилась в особенностях его творческой индивидуальности, он может писать лишь о том, что, пройдя сквозь сердце, созрело не только в сердце, но стало и зрелостью мысли. Впечатления, полученные на фронте, к тому времени, когда бывший лейтенант становился на писательскую стезю, не остыли, не отстоялись, а значит, и не созрели в такой степени, когда их можно было художественно осваивать без риска «обжечься» и, следовательно, не получить тот результат, на который рассчитываешь. Подтверждение этому находишь, в частности, в бондаревской статье «Взгляд в биографию».

Статья «Взгляд в биографию» посвящена военным рассказам Владимира Богомолова, писателя того же, что и Бондарев, поколения людей, пошедших «на фронт, когда им было восемнадцать лет». Почему литераторы этого поколения стали писать о войне лишь «через двенадцать—пятнадцать лет после наступления мира?» — задает вопрос автор статьи и отвечает: «Душевный опыт этих людей был насыщен до предела. Все четыре года войны они прожили не переводя дыхания, и, казалось, концентрация деталей, эпизодов, конфликтов, ощущений, потерь, образов солдат, пейзажей, запахов, разговоров, ненависти и любви была настолько густа и сильна после возвращения с фронта, что просто невозможно было все это организовать, найти необходимый сюжет, композицию, ясно проявить главную мысль. Сотни сюжетов, судеб, коллизий, характеров теснились в неостывшей памяти каждого. Все было слишком горячо, слишком близко — детали вырастали до гигантских размеров, затмевали основное».

Обратимся к проблематике рассказов сборника «На большой реке». Бондарева занимали проблемы долга, чести, совести, товарищества, дружбы, любви, человеческой участливости, доброты — проблемы непреходящих моральных ценностей. В жизни эти ценности существуют не в чистом, дистиллированном виде, выявляют и утверждают они себя в столкновении, в борьбе с отсталым, безнравственным, со злом. Это всегда процесс сложный, противоречивый, и Бондарев стремился показать это именно как процесс.

Герой рассказов писателя часто оказывается перед серьезными нравственными и физическими испытаниями, и по тому, как он их преодолевает, становится понятным, кто он — честный и прямой или же криводушный, приспособленец; смелый или трус; дарит людям добро и радость или причиняет зло и страдание. Требования автора к герою при этом всегда высокие, он избегает критериев заниженных и средних, в чем сказывается нравственный опыт человека, прошедшего войну, в жестоких обстоятельствах научившегося понимать, что есть подлинно настоящее, а что лишь подделка под настоящее, нравственная мимикрия. И это принципиально существенно: рассказы о мирном времени, о людях мирного труда, а мерки их нравственных достоинств — суровые мерки войны.

Характерным в этом отношении может быть рассказ «На большой реке», один из первых рассказов автора.

...Плывут на плоту по таежной реке трое — геологи Кедрин и Свиридов и доктор Аня, за три дня, без ночевок на берегу, им надо добраться до места расположения геологической партии. Неспокойна, угрюма река и час от часу — дождь, непогода становится все угрюмее, неспокойнее, а впереди всех подкарауливает нежданная беда. Как поведет себя каждый в этих условиях: кто проявит твердость, а кто смалодушничает? Жизненный опыт, а следовательно, и возможности героев неодинаковы, однако поначалу неясно, кто как поступит, и автор отнюдь не стремится подсказать это читателю, скорее — наоборот. Кедрин — таежник бывалый, внешне замкнутый, бирюковатый, он строго выговаривает другому даже за незначительную промашку. Крепкий характер? Или крепкий орешек, ведь подобная строгость порой бывает и средством маскировки? Свиридов... Его самоаттестация: «Пять лет без передышки брожу по тайге!.. Родной дом — куст, а земля — постель», с шуткой-прибауткой он относится к неудобствам плавучей жизни. Аня... Молодой врач, только что закончившая институт, прямо из Москвы прибывшая в эти края и без передышки (с корабля на бал!) — прямо на плот, на реку. Городская жительница, ничего подобного она никогда не знавала.

Да, автор не указует на героя, которому не устоять под натиском стихии, но по ходу действия рассказа в сознание наше — по некоторым деталям, а больше по догадкам, предположениям — начинает закрадываться: Аня. Однако не будем спешить с выводами. Малодушным оказывается внешне наиболее «благополучный» Свиридов. Аня же, поборов все трудности, выходит победительницей и над обстоятельствами, и над самою собой.

Автор раскрывает в своей героине рождение чувства стойкости, мужества. Перед нами в разное время как бы две Ани: одна— до того, как плот потерпел крушение, другая — когда трое оказались на острове и внезапно заболевшему Кедрину, заболевшему серьезно, понадобилась врачебная помощь.

Что же превратило героиню из робкой и растерянной в решительную, готовую на подвиг и совершающую подвиг, скорее всего, первый в своей жизни? Верность клятве Гиппократа? Да, тут высказала себя и врачебная этика, но в более глубоком, социально-нравственном плане — верность гражданскому и человеческому долгу.

Наша литература — это одна из ее давних традиций — во множестве произведений показала, как в испытаниях величайших при исполнении своего долга выявляется в советских людях тот запас духовной и физической прочности, которым они бывают наделены вследствие своей особой нравственной природы — советской природы! — и о наличии которого до поры до времени подчас не знают даже сами. Правда, это не следует возводить в абсолют (иначе как же тогда объяснить проявление иными трусости и малодушия?), но это надо признавать и учитывать при познании «загадочной души» советского человека.

Зарядом нравственной прочности наделена и доктор Аня, преодолевающая испытания стихии и тем самым — самое себя.

С раскрытием характера по принципу преодоления героем самого себя мы встречаемся также в другом рассказе писателя — «Поздним вечером». Не столь существенно, что герой этот, Коля, еще только школьник, важно, что он силою своей детской воли перешагивает ту черту, переступив которую человек открывает в себе и обретает для себя нечто новое.

Человек должен быть способен преодолевать себя — это один из краеугольных камней авторской концепции героического характера, что тоже вынесено Бондаревым из войны. В цитированной выше статье «Взгляд в биографию» он подчеркивал: «...Весь характер солдата проявляется в том, что он каждый день преодолевает самого себя». И еще более принципиально: «Героизм — это преодоление самого себя...». С годами Бондарев, следуя этой концепции, создаст характеры героизма изумительного, но начало ее художественной реализации — образы доктора Ани, школьника Коли и других героев сборника «На большой реке».

В рассказах «Река» и «Поздним вечером» заявила себя также еще одна существенная особенность художественной манеры Бондарева, взаимосвязанная с концепцией преодоления, во многом обусловленная ею, — психологизм, раскрытие диалектики человеческой души, что впоследствии, развившись, станет самой сильной и самой обаятельной стороной творчества писателя. Рассказы эти психологические. Но наиболее ярко манера психологического исследования выкажет себя в рассказе «Простите нас!», который появится несколько позднее выхода в свет сборника «На большой реке» и будет включен в последующий сборник автора — «Поздним вечером».

Никакой сюжетной экстравагантности в этом рассказе нет. Сорокалетний конструктор Павел Георгиевич Сафонов, возвращаясь из отпуска с юга, решает остановиться в городе своего детства и юности. Справляется о школьных товарищах. Отыскивает свою учительницу. Разговаривает с ней о прошлом. Выясняется, что никто из учеников не пишет ей писем... Павел Георгиевич уезжает, испытывая чувство стыда за равнодушие к человеку, который вводил его и других в большой мир. Мучимый этим чувством, с дороги посылает учительнице телеграмму: «Простите нас». Вот и все.

Большой эмоциональный отзвук в нашем сердце герой писателя вызывает, безусловно, своей искренностью: он человек не только духовно богатый, но и добрый, способный неподдельно переживать, волноваться, неподдельно чувствовать.

Рассказ «Простите нас!», повторяю, психологический, движение его сюжета — движение души героя. Под влиянием кого из больших мастеров он написан — Паустовского, Чехова, Бунина? Не будем стремиться к таким изысканиям: они вряд ли правомерны, даже если тональность бондаревской фразы покажется порой схожей с тональностью фразы Паустовского, а пастель, которою нарисованы степь и улицы тихого южного городка, чем-то напомнит мягкость чеховских красок. Подлинный художник, даже если он и молодой, — это не механическое сочетание отдельных элементов, а сложный, неделимый на составные части мир... Неправомерность поиска авторских заимствований и подражаний в рассказе станет особенно очевидной в свете всей последующей художественной практики Бондарева. В «Простите нас!», как и в других своих рассказах, молодой прозаик в главном и определяющем его творческое лицо не подражатель, а упорно пробивающийся к самостоятельности художник.

Говоря это, я совсем не склонен переоценивать рассказ «Простите нас!», тем более сборник «На большой реке». Бондарев начальной поры еще не волшебник, а только учится на волшебника. Он талантливый ученик и — что также весьма существенно — упорно стремящийся идти своим путем, упорно ищущий себя художник, о чем им впоследствии — не о себе лично, а расширительно — будет сказано: «...Всякий писатель начинается тогда, когда он долгим трудом выработал **свой** стиль, нащупал **свой** эмоциональный нерв фразы, **свою** интонацию и **свой** ритм повествования».

Бондарев начинал с рассказа. В литературе, как известно, не существует обязательных правил, тем более законов — с чего начинать, это у кого как. С рассказов начинал, например, М. Шолохов, дорогой рассказа шли в литературу В. Катаев, В. Кожевников, О. Гончар, В. Быков и многие другие. Но известны и писатели, дебютировавшие повестью и даже романом... Обязательных правил, повторяю, нет, однако же наиболее массовой школой учебы молодых мастерству, художественной экономии является рассказ; не случайно в советах опытных художников начинающим чаще всего содержатся рекомендации начинать именно с рассказа. Не пишите года два-три больших вещей, вышкольте себя на маленьких рассказах, влагая в них сложные и крупные темы, — советовал в свое время, например, М. Горький тогда уже не новичку в литературе Всеволоду Иванову... В школе рассказа Бондарев многому научился, больше всего, пожалуй, — искусству владения словом, чему не переставал и не перестает учиться все годы, отлично понимая, что наука эта нескончаема.

Издав в 1953 году сборник «На большой реке», он думает о произведении крупной формы и вскоре приступает к повести «Юность командиров». За ней были написаны другие повести, романы, принесшие писателю широкую известность. Однако, работая в крупных жанрах, он по многим причинам не отходит начисто и от «малой прозы». Книга новелл «Мгновения», продолжающая и сегодня оставаться для ее автора как бы открытой, появилась уже после «Горячего снега», после «Берега».

...Итак, Юрий Бондарев принимался за освоение крупной художественной формы. Принимался и с верой в собственные силы: в своем писательском ранце он всегда носил литературный маршальский жезл; принимался и не без робости: тогда он был еще начинающим, к тому же твердо убежденным — он скажет об этом некоторое время спустя, — что «только короткая, почти пейзажного рисунка лирическая новелла» — его призвание в литературе, его судьба... Время внесет в это убеждение существенные коррективы.

Юрий БОНДАРЕВ, Николай ДОРИЗО, Анатолий АЛЕКСИН на Байкале во время выездного секретариата правления Союза писателей РСФСР в Улан-Удэ. Июль 1978 года.

Фото С. ГОРЧЕВА